

Виктор Кулле

* * *

Осень — знобкая пора ответок
самоупоению весны.
Листья отрываются от веток,
кружатся и опадают вниз.

Справедлива мудрая природа:
даже в частных мелочах не врёт.
Всем живущим временами года
предопределён круговорот.

Чей-то цикл — короче, чей-то — дольше.
Но — не взять у времени взаймы.
Вот и я, определённо, дожил
до зимы,

не имея шанса к повторенью
по весне.
Время учит кротости, смиренью,
белизне.

ОГЛЯДКА

Ритуальное действие: хлебнуть кофейку,
машинально нашарить другую строку.
Дальше, преодолев «не могу»,
осторожно вслушаться в гул.

Речь укрылась в пещере смердящего рта.
Вот и звёзды. Но неотличима Звезда
от вплетённых в ночное шитьё
равнодушных товарок её.

Для читателей в рифму картина ясна:
 календарная полночь, поэт у окна,
 за окном — ледяная страна.
 Ночь нежна, морóзна, грознá.

Мизансцена такая: глаза в глаза
 самому себе честно: «не верю» — сказать.
 Мир — театр. Но подмостки его
 не способны вместить Божество.

Мир расколот занавесом пополам:
 настоящее с прошлым, где стыд и срам,
 обесмысленных дней гурьба.
 И — грядущее. Без тебя.

Временами кажется: взгляд пронзит
 этот занавес дырчатый, что сквозит
 горним светом иных письмён.
 (Видно, молью изъеден он).

Раз в году эта долгая ночь нужна
 всем живым — для бесстрашной оглядки на
 мартиролог наломанных дров.
 И — для принесенья даров.

Я стою у окна. За окном живут
 тоже люди: друг дружку на части рвут,
 любят, умирают в труде.
 Порождают новых людей.

Я стою у окна. За окном — Звезда
 (идеальный катализатор стыда).
 Я устал сам себя шпынять.
 Страшно вспомнить. Страшней — понять:

любопытный выюнош — и тот дурак,
 что озвучить спешит заоконный мрак
 перед тем, как уйти на дно.
 Неужели они — одно?

У меня был крест. Я с женщиной спал —
 оборвалась цепочка. И крест упал.
 Вот и вышло — на Страшный Суд
 я в кармане его несу.

У меня был друг: дурной крутизны.
 Речи были волшебны. Дела — дрянны.
 Он любил рассуждать, косой,
 что стишки оправдают всё.

Неужели пропетое на износ,
 правда, стоит истерик и женских слёз,
 судеб, сломанных в кураже,
 абортария красных жертв?

Неужели, правда, сякой-такой,
 етший всё, приключившееся под рукой,
 предававший ни за понюх,
 тоже станет — воздух и дух?

На столе у меня не черновики,
 но лекарства — тёмные пузырьки.
 Вопрошать об истоках зол
 что ж ты раньше не смел, козёл?

Я стою у окна. Голова — в огне.
 Ледяная Звезда тянет луч ко мне.
 Нет ответов, не сыщешь впредь.
 Лучше лоб о луч опереть.

Раскрывается занавес. Там, за ним,
 мир искрится, пронизан светом сквозным.
 Но глазам — не узреть Христа.
 Или просто: сцена пуста?

Одеялом укроюсь, свернусь в клубок.
 То ли тьма, то ли свет, то ли смерть, то ли Бог
 за окном сошлись на живот.
 То ли просто ветер ревет.

* * *

Искусить неискушённых — трудно ли?
 Узнику подземной морозилки —
 самовозвышенья пятна трупные.
 Не блаженный смех — ухмылки.

Повторю, почти уже в агонии,
 очевидное для очевидца:
 сатана — лишён самоиронии.
 Он способен лишь глумиться.

Вот и мы, по сути, стали калькою
 с этого Господня гамадрила:
 эко всех культурой карнавальнойю
 чувства юмора лишило!

Божия ирония пугающа,
снисходительна, неподражаема.
Таки жаль, что мы её пока ещё
подменяем подростковым ржанием.

Жаль, потомку обезьян, парящему
в космосе — не суждено сегодня
вспомнить райский смех, чреватый радостью,
как ирония Господня.